

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

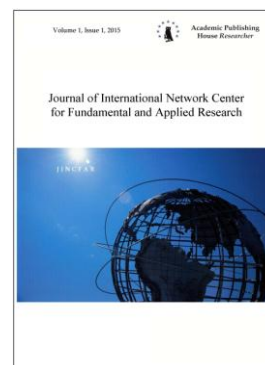
Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.

ISSN: 2411-3239

Vol. 1, Is. 1, pp. 42-48, 2014

DOI: 10.13187/jincfar.2014.1.42

www.ejournal36.com

UDC 31

Demographic Issues in the Soviet State during the Period Subsequent to World War II

Olga V. Natolochnaya

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of world civilizations
PhD (History)
E-mail: natolochnaia@yandex.ru

Abstract

This article addresses demographic issues in the Soviet Union during the period subsequent to World War II. The author looks into the age and gender structure of the USSR population. The author concludes by noting that the considerable human casualties left behind unfillable demographic holes, a factor that had long-term effects and was felt up until the 1970s.

Keywords: demography; Soviet Union; World War II; post-war period.

Введение

Послевоенное советское общество представляло собой сложный социальный механизм. Война изменила его состав и демографический баланс, внесла коррективы в систему ценностей и норм поведения людей. Война изменила жизненный статус многих людей и привела к появлению таких групп, как репатриированные, эвакуированные, мобилизованные. Появившись во время чрезвычайных военных условия, они должны были после войны вернуться к прежнему образу жизни. В сознании большинства людей война и первые послевоенные годы оказались слитыми воедино. Это единство имело под собой психологическую основу. Большая цель, которая объединяла людей в годы войны – победить любой ценой – и в мирное послевоенное время формировала некую духовную общность современников. Экстремальные условия первых послевоенных лет в качестве своего обоснования имели задачу быстрее восстановления страны из военной разрухи. Стремление людей как можно быстрее вступить в нормальную мирную жизнь совпало с программой руководства страны, предложившего очень напряженные темпы восстановления.

Поэтому даже на уровне обыденного сознания, несмотря на наличие критических выступлений, до открытого протеста дело, как правило, не доходило. Материальные лишения воспринимались как временно неизбежные, как следствие войны.

Материалы

Материалами для написания статьи послужили сборники архивных документов и монографическая литература по теме исследования, опубликованная в советский и современный российский периоды.

Результаты

Военные потери и тяготы послевоенного времени привели к деформации возрастнополовой структуры населения: уменьшилась численность и доля в населении лиц, родившихся в 1920–1924 гг., составлявших в годы войны основные призывные возраста.

Если взять для сопоставления перепись населения 1937 г., где наиболее подробно для предвоенного времени представлена возрастная структура населения, то, по ее данным, лица 15–19 лет составляли 8,2 % в составе населения. Важно отметить, что их доля была одинаковой в городском и сельском населении. Через 20 лет по переписи 1959 г. доля этих лиц резко меняется.

Теперь это группа 35–39 лет, и ее удельный вес в населении упал до 5,5 %, в то время как сопредельная с ними группа 30–34 лет превышает эту долю почти в два раза, ее удельный вес составляет 9,4 %. Лица от 20 до 24 лет в 1937 г. составляли 9 % от всего населения, а через 20 лет их осталось 5,3 %. Удельный вес 25–29-летних соответственно уменьшился с 9,6 до 6 %; 30–34-летних – почти с 8 до 5,1 %; наконец, 35–39-летних – с 6,6 до 4 %, а 40–44-летних (это последняя группа призывного возраста, им в 1959 г. 60–64 года) – с 4,8 до 3 %. Естественная смертность, особенно в условиях развивающегося демографического перехода с его устойчивой тенденцией к снижению смертности во всех возрастах, не могла привести к такому снижению численности за относительно небольшой период молодых и средневозрастных групп [1].

Это объясняется и старением общества, и увеличением продолжительности жизни, но главным образом – снижением рождаемости и уменьшением в населении доли детских и юношеских возрастных групп. К примеру, дети от 0 до 4 лет составляли в 1959 г. 11,4 %, а в 1979 г. – 7,7 %".

Особенно сильно пострадали мужчины в возрастных группах, чья молодость пришлась на годы войны. Численность мужчин 1920–1924 гг. рождения в 1939 г. составляла в России 4 млн 685 тыс. человек. В 1949 г. их осталось почти в два раза меньше – 2 млн 719 тыс., а к 1959 г. эта возрастная группа потеряла еще 155 тыс. человек, прежде всего из-за последствий фронтовых ранений, ущерба здоровью, нанесенного войной. Возрастная когорта мужчин 1915–1919 гг. рождения в 1939 г. насчитывала 4 млн 221 тыс. человек, а в 1949 г. – лишь 2 млн 514 тыс. К 1959 г. их число сократилось в силу тех же самых причин еще на 177 тыс. [2]

У мужчин ясно виден «возрастной провал». У женщин он тоже наблюдается, но менее резкий. Численность женщин 35–39 лет (1920–1924 гг. рождения) в 1939 г. составляла 4 млн 923 тыс. человек, в 1949 г. их насчитывалось почти на 700 тыс. меньше, а к 1959 г. они потеряли еще 200 тыс. Женщины 40–44 лет (1915–1919 гг. рождения) в 1939 г. насчитывали 4 млн 782 тыс., за время войны к 1949 г. их численность сократилась до 3 млн 944 тыс., а к 1959 г. они потеряли еще 169 тыс. человек [3].

В результате потерь мужского населения было нарушено соотношение полов в населении России. В РСФСР в 1946 г. мужчины составляли 43,6 %, в 1950 г. – 43,3 %, а в 1951 г. – 43,4%!». Даже здесь видна тенденция к убыли мужского населения, прежде всего в связи с преждевременной смертностью от ранений, контузий, нервно-психического напряжения.

По окончании войны соотношение полов внутри возрастных групп выглядело следующим образом:

- в возрастных группах 40–44 лет (1914–1918 гг. рождения) на 100 женщин приходилось 61,6 мужчины-ровесника и 70,2 мужчины на 5 лет старше;
- 35–39 лет (1919–1923 гг. рождения) – соответственно 62,6 и 59,6;
- 30–34 года (1924–1928 гг. рождения) – 83,5 и 40,920.

Наибольшее нарушение в соотношении полов в пользу женщин наблюдалось в сельской местности: в группе 40–44 лет мужчин было всего 35,6 %. Даже в городах в той же возрастной группе мужчины составляли только 40 %.

Мы рассмотрели возрастные когорты, принявшие непосредственное участие в войне. Но и поколения, рожденные во время войны, и те, чье детство и отрочество пришлось на военные годы, также имели пониженную численность в возрастной структуре населения.

Дети 1941–1945 гг. рождения на начало 1946 г. составляли: мальчики – 3 млн 450 тыс., девочки – 3 млн 375 тыс.;

1946–1950 гг. рождения на начало 1951 г.: мальчики – 5 млн 951 тыс., девочки – 5 млн 752 тыс.;

1951–1955 гг. рождения в 1956 г. соответственно: 6 млн 699 тыс. и 6 млн 457 тыс.

Впоследствии численность первых двух из вышеназванных возрастных групп убывала, и довольно заметно. В итоге к началу 1956 г. детей 1941–1945 гг. рождения ubyло более чем на 0,5 млн, а 1946–1950 гг. рождения – почти на 450 тыс.

Детей довоенных лет рождения – 1936–1940 гг. – перед войной насчитывалось 14 млн 848 тыс., и их убыль к концу войны составила 1 млн 870 тыс., или 12 %. На начало войны им было 0–4 года. Их убыль объяснялась высокой смертностью в годы войны.

Пострадали дети 1931–1935 гг. рождения, которым на начало войны было 5–9 лет. Их было в 1941 г. 10 млн 487 тыс., а на начало 1946 г. их убыль составила 428 тыс., или 4,0 % [4]. Разумеется, здесь потери меньше, чем у младенцев: дети были старше, крепче и более адаптированы, не столь зависимы от жизни и присутствия родителей. Однако потери и здесь велики от голода, бомбежек, болезней, фашистского геноцида на оккупированной территории.

Понесли потери и подростки 1926–1930 гг. рождения, которым на начало войны было 10–14 лет. Их было в 1941 г. 13 млн 450 тыс. Они потеряли 734 тыс. человек. При этом мужчины пострадали больше – среди них погиб каждый десятый. Основная причина – тяжелый труд подростков в годы войны и в промышленности, и в сельском хозяйстве, высокие показатели травматизма, часто со смертельным исходом, и заболеваемости. Только в Москве за первые военные годы от травм погибли более 15 тыс. подростков. Следует учесть, что подростки часто принимали активное участие в боевых действиях, особенно в партизанских отрядах, подполье, отрядах противовоздушной обороны, на строительстве оборонительных сооружений в прифронтовой полосе.

Процент родившихся в голодные годы начала 30-х годов (25–29 лет в 1959 г.) равнялся 9. Невысок был удельный вес и лиц, чье рождение пришлось на предвоенные годы (1935–1940), – 9,8 %, так как на их долю выпало тяжелое военное детство [5].

Таким образом, мы видим, что людские потери в войне привели к пониженной доле в возрастной структуре населения России самых трудоспособных, детородных, перспективных в демографическом отношении групп. Особенно пострадало мужское население.

Потери населения в годы Великой Отечественной войны повлекли за собой деформацию возрастнополового состава практически всех народов, населявших РСФСР. Видны потери прежде всего в мужских возрастных группах 35–44 лет. Так, среди татар группы 35–39 лет составляли в 1959 г. 4 % от всего мужского населения, группы 40–44 лет – 4,3. Для сравнения можно привести удельный вес пограничной группы 30–34 лет – 9,1 %. Подобная же возрастная структура наблюдалась и у башкир, народностей Кавказа, якутов и др. У некоторых народов, например у народностей Кавказа, эта возрастная яма охватывает возраст 45–49 лет.

В названных возрастных группах нарушено и соотношение полов. Например: у башкир в возрастной группе 35–39 лет мужчины составляли 37 %, а женщины – 63; у татар – соответственно 38 и 62 %; у удмуртов – 32 и 68 %; у аварцев – 40 и 60 %; у лезгин – 41 и 59 %; у якутов – 43 и 57 % и т. д. В целом же нарушение соотношения полов у всех этих народов хотя и наблюдается, но не столь резкое, как в этих пострадавших группах [6].

Особенностью возрастных структур неславянских народов РСФСР является несколько больший удельный вес детей до 9 лет, чем у славян: у удмуртов он составляет 24 %; у татар – почти 26 %; у народностей Дагестана – 26–28 %; у башкир – 29 %, а у якутов – даже 30 % [7].

Однако разница не так велика, как это было в 1920–1930 гг. Особенно это касается народов, проживавших в европейской части страны, в том числе относящихся к тюркской и угрофинской группам. Зато у народов, проживавших в Сибири и на Дальнем Востоке, рождаемость сохранялась очень высокой и доля детей до 9 лет была весьма велика.

Выше, чем у славян, у неславянских народов России и удельный вес молодежи в возрастной пирамиде. Порой он достигал более 60 %. Однако в ряде случаев, например у удмуртов, процент молодежной группы был несколько ниже и равен 51. У неславянских народов не было и проблемы старения населения, и лица старше 60 лет составляли лишь 8–9 %. Правда, у народов Северного Кавказа (осетины, кабардинцы, аварцы) пожилых было несколько больше – 12 %, поскольку у них традиционно было больше долгожителей.

При анализе возрастной структуры российского населения рубежа 1960-х годов отмечается еще одно явление, уже другого плана, которое характеризует качественные изменения возрастной структуры в связи с развитием демографического перехода. Большой удельный вес лиц мужского пола, имеющий место при рождении, в младших возрастных группах сохраняется очень долго – вплоть до 20–24 лет. Это говорит о преодолении повышенной мужской смертности в раннем возрасте, характерной для населения с традиционным типом воспроизводства [8].

В городе возрастная структура имела некоторую специфику. На восстановление промышленности в города стекалась молодежь, привлекались трудовые ресурсы из деревни. В города устремились люди самого трудоспособного возраста, прежде всего мужчины.

В дальнейшем, в 1970 г., соотношение мужчин и женщин среди молодежи все более меняется в пользу мужчин. Сказываются интенсивная миграция в города, по-прежнему с преобладанием мужчин, а также приток молодежи, отправлявшейся в города учиться. В средних возрастных группах, военных и послевоенных лет рождения, выросших в условиях мирного времени, нарушение соотношения полов в пользу женщин хотя и отмечается, но очень сглаженное. Чем старше возраст группы, тем нарушение соотношения в пользу женщин проявляется все более отчетливо. Это сказывается особенно в группе 45–49 лет (1920–1924 гг. рождения). Выравнивания не происходит и в последующих возрастных группах. Безусловно, на соотношение полов оказывает влияние более ранняя мужская смертность, однако резкая диспропорция полов в пользу женщин из-за военных потерь проявилась значительно раньше и выразилась гораздо сильнее, чем могло бы быть при нормальном развитии демографического процесса [9].

Быстрый рост городского населения происходил в основном за счет интенсивных миграций молодежи из села. Обратная миграционная волна из города в село была вялой. Даже в тех случаях, когда правительство в прагматических целях пыталось организовать отток городской молодежи в село (печально известный опыт по направлению молодых специалистов в деревню, о чем уже говорилось выше), городская молодежь в кратчайшие сроки вновь возвращалась в города.

В городах в силу большого притока молодежи происходило интенсивное образование семей. Наблюдалось и повышение рождаемости, тем более что военное время отодвигалось все дальше и дефицит мужчин постепенно уходил в прошлое, прежде всего в молодых возрастах. Это видно на возрастных группах 1940–1944 и 1945–1949 гг. рождения.

Вместо «бэби-бума» мы имеем невысокую численность этих возрастных групп. Свою негативную роль сыграли здесь и голод 1947 г., и туберкулез, и детские инфекции. Соответственно в 1970 г. им 20–24 и 25–29 лет, и их пониженная по сравнению с пограничными группами численность выступает по-прежнему отчетливо. Раны так быстро не заживают. Дети, рожденные в 1950-х годах, отмечены высокой численностью, и даже быстрое снижение рождаемости в этот период не помешало этим поколениям [10-11].

В принципе это свойственно и более ранним десятилетиям XX в. – в селе больше детей и подростков и стариков, чем в городе. Это традиционно связано с сохраняющейся в селе более высокой рождаемостью и с тем, что недавние мигранты в города предпочитали оставлять детей дедушкам и бабушкам, живущим в деревне, и отправляли туда детей, рожденных уже в городе, как только возможно было оставить их без непосредственной материнской заботы.

Сами родители были в бытовом плане еще неустроены или недостаточно устроены, кроме того, они считали, что близость к природе, деревенский воздух пойдут на пользу их потомству. Дети оставались там не только в период раннего детства, но, как правило, до подросткового состояния. Тем более, что в отличие от сегодняшнего дня села были обеспечены школами, во всяком случае, начальными. Если они были удалены, то колхозом выделялся транспорт, хотя бы гужевой. Популярными в художественной литературе и кинематографе сюжеты о детях, ходивших в школы по шесть верст, в жизни встречались нечасто и относились, как правило, к лесничествам и особо удаленным и малонаселенным местам, а иногда к недавним новостройкам и поселкам при них, где первые год-два не было школ. Качество образования в начальных школах не всегда было хуже городского, в селе все еще чувствовалось наследство земских школ, работали квалифицированные учительские кадры с большим стажем, которые ответственно относились и к обучению детей, и к их

воспитанию, и к укреплению их здоровья. «Упадническая» школа сформировалась в селе ближе к 1980-м годам, а в 1990-е годы село зачастую было лишено даже начального образования.

Впрочем, и в 1960-е годы проблем с сельской школой хватало, в том числе искусственно созданных. Когда, например, в городскую черту крупного промышленного центра включалась часть области с селами и деревнями, то последние становились городом чисто формально: без связи с собственно городской застройкой, без подключения к городским инфраструктурам. На все это благоустройство требовалось время – порой нескольких лет. При этом имевшаяся сельская школа сразу закрывалась без особых причин.

Предполагалось, что дети будут ходить в городские школы. Но при необеспеченности транспортом это было невозможно для малышей из первых-вторых классов. Их родители ставились перед выбором: снять квартиру в городе, что было непросто и недешево, отправить детей к родственникам, живущим вблизи школ, или, что делалось чаще всего, – пропустить в обучении год-другой. Последнее особенно практиковалось по отношению к девочкам – «Чай, в армию не идти!» Между тем перерыв в обучении и позднее начало обучения имеют опасные последствия – потерю интереса к учебе.

Школьные программы и методики также рассчитаны на усвоение знаний детьми определенного возраста. Методика преподавания в начальной школе содержит игровые моменты и в значительной степени опирается на «детскую», т. е. моторную, память. Переростки в этих условиях, с одной стороны, скучают и раздражаются от элементов игры, а с другой – плохо усваивают материал. Особенно страдают усвоение навыков грамотности, изучение иностранного языка, математика. Известно, и на уровне социологических исследований доказано, что начавшие учиться с запозданием редко заканчивают полную среднюю школу.

В связи с интенсивной миграцией в селе больше не только детей, но и стариков, а молодежи и лиц среднего возраста меньше, чем в городе. Сравним:

- в городе лиц старше 60 лет – 7,6 % от всего городского населения, а в селе – 10,5 % от всего сельского населения;
- лиц 20–29 лет в городе – 20,6 %, в селе – 16,9 %; 30–49 лет – соответственно 28,4 и 23,9 % [12].

Разумеется, «демографические ямы», оставленные войнами, прежде всего Великой Отечественной, и голодом, поразили и города и села. Однако в селе провал в возрастной пирамиде, оставленный Великой Отечественной войной, глубже, чем в городском населении. В городах его в некоторой степени компенсировала активная миграция, а в селе эта же миграция его, напротив, усугубила. Представители и без того малочисленных возрастных когорт, чья молодость пришлась на военные годы, активно покидали деревню, не возвращались туда после демобилизации, переходили на работу в городские административные и партийные структуры, пополняли рабочих восстанавливающейся промышленности. Те, кто отправлялся в город для получения среднего специального и высшего образования, также не возвращались в село. Преимущество же при направлении на учебу отдавалось фронтовикам. Следом за мужчинами покидали села всеми возможными способами и женщины. В основном отправлялись на работу, учебу, вступали в брак с горожанами [13].

Правительство и административные структуры, с одной стороны, ограничивая эти переселения, прежде всего через паспортную систему и систему прописки, фактически серьезно с этой миграцией не боролись, так как промышленность, торговля, сфера обслуживания городов остро нуждались в рабочей силе, как квалифицированной, так и неквалифицированной. Многие фильмы и книги посвящены судьбам женщин, ушедших из деревни в домработницы. Но и эта профессия имела огромный спрос на рынке труда. С одной стороны, их трудом пользовались из престижных соображений жены ответработников – сами домохозяйки (но использование «домрабы» было неотъемлемой чертой быта советской элиты), а с другой – домработницы и няньки из деревни восполняли дефицит детских учреждений, высвобождали для работы в промышленности, культуре, науке женщин, имевших профессию и квалификацию.

Следует также учесть, что здоровье большей части населения было ослаблено вследствие войны. Это относилось и к женщинам, и к младенцам. Образ матери, которая

вскоре после родов встает к станку, отрываясь лишь для кормления, и чувствует себя при этом полной сил и здоровья, безнадежно ушел в прошлое. Широко известно также, что прибывавшие из деревни девушки и молодые женщины, пополнив сначала прислуг, затем, как правило, поступали на работу на фабрики, заводы, особенно охотно в торговлю, со временем получали квалификацию.

Заключение

Таким образом, и на городской и на сельской возрастнополовой структуре видны следы перенесенных в военные и голодные годы потерь, при этом традиционно для XX в. видны последствия интенсивной миграции молодежи в города и, наконец, более медленное развитие в селе демографического перехода, что выражается в основном в более высокой рождаемости даже в условиях ярко выраженного послевоенного «дефицита» мужчин.

Итак, «эхо» войны тяжелым бременем легло на многие поколения людей, изменив возрастнополовую структуру, структуру брачности, состав семьи. Изменились многие черты брачного и семейного поведения. Огромные людские жертвы привели к неизгладимым демографическим ямам, имевшим долгосрочные последствия и ощущавшимся вплоть до 1970-х годов.

Примечания:

1. Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Сб. ст. и сведений. М., 1960. С. 7-8.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Сб. ст. и сведений. М., 1960. С. 7-8.
3. См.: Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Война 1941-1945 годов: Современные подходы. М.: Наука, 2005. С. 547-549.
4. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Война 1941-1945 годов: Современные подходы. М.: Наука, 2005. С. 548.
5. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. Тула, 2009. С. 98-105.
6. См.: Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976. С. 106.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М., 1963. С. 68-69.
8. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. Тула, 2009. С. 115-116, 130-132.
9. См.: Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976. С. 121.
10. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Указ. соч. С. 548.
11. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. Тула, 2009. С. 130-132.
12. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Указ. соч. С. 548.
13. Натолочная О.В. Последствия Великой Отечественной войны на курорте Сочи: историко-демографический аспект // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 2. С. 21-25.

References:

1. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1960 g.: Sb. st. i svedenii. M., 1960. S. 7-8.
2. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1960 g.: Sb. st. i svedenii. M., 1960. S. 7-8.
3. Sm.: Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Demograficheskie posled-stviya Velikoi Otechestvennoi voiny // Rossiya v XX veke: Voina 1941-1945 godov: Sovremennye podkhody. M.: Nauka, 2005. S. 547-549.
4. Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Demograficheskie posled-stviya Velikoi Otechestvennoi voiny // Rossiya v XX veke: Voina 1941-1945 godov: Sovremennye podkhody. M.: Nauka, 2005. S. 548.
5. Aralovets N.A. Gorodskaya sem'ya v Rossii. 1927-1959 gg. Tula, 2009. S. 98-105.
6. Sm.: Gerasimova I.A. Struktura sem'i. M., 1976. S. 106.
7. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g.: RSFSR. M., 1963. S. 68-69.
8. Aralovets N.A. Gorodskaya sem'ya v Rossii. 1927-1959 gg. Tula, 2009. S. 115-116, 130-132.
9. Sm.: Gerasimova I.A. Struktura sem'i. M., 1976. S. 121.
10. Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Ukaz. soch. S. 548.
11. Aralovets N.A. Gorodskaya sem'ya v Rossii. 1927-1959 gg. Tula, 2009. S. 130-132.
12. Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Ukaz. soch. S. 548.

13. Natolochnaya O.V. Posledstviya Velikoi Otechestvennoi voiny na kurorte Sochi: istoriko-demograficheskiy aspekt // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskiy zhurnal. 2007. № 2. S. 21-25.

УДК 31

**Демографические проблемы советского государства после
Великой Отечественной войны**

Ольга Васильевна Натолочная

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Лаборатория мировых цивилизаций

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: natolochnaia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются демографические проблемы Советского Союза в период после Великой Отечественной войны. Уделено внимание возрастнополовой структуре населения СССР. В заключении автор отмечает, что значительные людские жертвы привели к неизгладимым демографическим ямам, имевшим долгосрочные последствия и ощущавшимся вплоть до 1970-х годов.

Ключевые слова: демография; Советский Союз; Великая Отечественная война; послевоенный период.